

**Валерий
ШАРАПОВ**

ДЕЛО БЕГЛЕЦА

**История о предателе, который надеялся,
что за границей его не настигнет правосудие**

Контрразведка. Романы о секретной войне СССР

Валерий Шарапов

Дело беглеца

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Дело беглеца / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2023 — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР)

ISBN 978-5-04-192947-3

Враг умен и хладнокровен. В его арсенале – логика, упорство и точный расчет. Он уверен, что знает, как победить нас в этой схватке. Но враг не учитывает одного: на его пути стоят суперпрофессионалы своего дела, люди риска, чести и несгибаемой воли – советские контрразведчики. 1982 год. Советские ученые разрабатывают новейшую боевую огнеметную систему. Западным спецслужбам удастся завербовать одного из участников проекта – ученого Алексея Поплавского. Об этом становится известно КГБ. Почуввав опасность, предатель уезжает на симпозиум в ФРГ и остается за границей. На поиски беглеца отправляется группа майора Михаила Кольцова. Внезапно оказывается, что явочные квартиры на той стороне провалены. Оперативники попадают в тяжелый переплет, выйти из которого и успешно выполнить задание можно только благодаря нестандартному решению...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192947-3

© Шарапов В. Г., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валерий Шарапов

Дело беглеца

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава первая

Голос Игоря Кириллова – диктора Центрального телевидения – звучал торжественно и драматично.

– Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет министров СССР с глубокой скорбью извещают, что десятого ноября тысяча девятьсот восемьдесят второго года в восемь часов тридцать минут утра...

Михаил потянулся, убавил громкость. Созрели товарищи. Машинально глянул на часы: одиннадцать утра. Новость не такая уж последняя – сотрудников комитета оповестили еще вчера.

– ...скоропостижно скончался Генеральный секретарь Центрального комитета КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР...

«А еще Председатель Совета обороны», – мысленно добавил Кольцов.

– ...Леонид Ильич Брежнев, – закончил фразу человек в телевизоре. – Имя Леонида Ильича Брежнева, верного продолжателя великого ленинского дела, пламенного борца за мир и идеи коммунизма, будет всегда жить в сердцах советских людей и всего прогрессивного человечества...

Дальше Кольцов не слушал – речь закончилась, пошла проникновенная траурная музыка. Он полностью убрал звук, откинулся на спинку гостиничного кресла. Странно, этот человек оказался невечным – вопреки анекдотичным прогнозам. Но иронизировать не хотелось. Царствие небесное Леониду Ильичу. Хорошо пожил и другим дал пожить (не всем, к сожалению). Страна худо-бедно развивалась, народ не трогали, вот только в последние годы в Советском Союзе что-то стало буксовать, пошло не так, остановилось поступательное движение. Тот же проклятый дефицит, наблюдавшийся повсеместно, кумовство, лизоблюдство, коррупция... Почти сутки новость берегли, не решались. Десятое число было вчера. Но и там дело темное. В 8.30 смерть, возможно, и зафиксировали, но скончался Леонид Ильич еще ночью – процесс отхода в мир иной никто не контролировал. Поужинал в кругу семьи на государственной даче в Заречье-6, лег спать. Вел себя как всегда. Скончался во сне – тихо-мирно. Болезням генсека было несть числа. Подозревали эмфизему, лейкомию, подагру, онкологию челюсти. Сердце – отдельная грустная история. Несколько лет назад Леониду Ильичу поставили кардиостимулятор. Возможно, перенес инсульт – с чем еще связана невнятная речь с трибун? Из-за плохого самочувствия часто пропускал официальные мероприятия. В марте текущего года во время посещения завода в Ташкенте на голову Брежнева рухнула балка – тоже не прибавив здоровья. Болевой шок, перелом ключицы, ребер, кровоизлияние в печень... Постоянные боли, остаток жизни – на таблетках. Но странно, четыре дня назад на трибуне Мавзолея во время празднования очередной годовщины Октября он выглядел нормально, даже что-то говорил, приветствовал собравшихся...

Михаил выключил телевизор, снова глянул на часы. Некогда скорбеть и размышлять о грядущих переделах – есть дела поважнее. Но мысли разбегались. Почему в роковую ночь в доме не оказалось личного врача генсека Колесова? Он всегда находился рядом. «Утренние реанимационные процедуры» проводил охранник – делал искусственное дыхание, массировал сердце. Парень молодец, но зря старался. Подопечный был уже мертв. По звонку прибыл лечащий врач Чазов, подтянулись Андропов, министр обороны Устинов, министр иностранных дел Громыко. О чем говорили над телом усопшего? Шок, растерянность – это понятно. Но они не могли не видеть открывающиеся горизонты – пусть даже туманные...

Он вышел из оцепенения, огляделся. Номер гостиницы в Зеленограде, мягко говоря, не апартаменты шейха. Но жить можно, чисто – персонал, пусть не очень охотно, но прибирал. Половицы не скрипели, шумные компании по коридорам не бегали. Он жил здесь с малыми

перерывами почти два месяца. Иногда казалось, что это замкнутый круг, здесь и встретит пенсию по старости через четверть века. На выходные возвращался в Москву, утром в понедельник – снова в Зеленоград, в город, являвшийся одним из крупнейших научно-производственных центров страны по созданию советской электроники и микроэлектроники...

Время неторопливо отмеряло минуты – устал поглядывать на циферблат. Натянул куртку, сунул ноги в тапки, вышел на лоджию покурить. Гостиница – так себе, но лоджия имела, приятное дополнение к серой казенщине. Погода не баловала, ноябрь – не лучший месяц в средней полосе. Плыли тучи, мела поземка. Снег еще не лег в положенном объеме, уносился ветром, таял, когда выглядывало солнце. Но приход зимы был вопросом времени. Город Зеленоград был молод, красив. Высотные дома с нестандартной планировкой квартир, проспекты, зеленые зоны – аллеи, бульвары, скверы и парки. С восьмого этажа открывался превосходный вид. Михаил курил, подняв воротник куртки, в сотый раз разглядывал неменяющийся пейзаж. Дома-коробки, машины, нетерпеливо гудящие у светофора. За жилыми кварталами – средоточие научной мысли и ее воплощения в жизнь: лаборатории, закрытые бюро, научно-исследовательские институты. НИИ микроэлектроники и электронной техники, точного машиностроения и технических тканей, приданные им заводы «Микрон» и «Ангстрем», НИИ физических проблем – вокруг которого почти два месяца ломались копыя...

Замерзли руки, и он бегом вернулся в номер. Покосился на телефон, имеющий выход на межгород, – и мгновенно испортилось настроение. Отношения с супругой неумолимо стремились к нулю. Бесконечные командировки только подливали масла в огонь. Настя становилась далекой, замкнутой, даже в те дни, когда он находился дома, чувств не проявляла. Смотрела меланхолично, с прохладцей. Супруги отдалялись друг от друга, но, видит бог, он этого не хотел! Стала задерживаться на работе, появились знакомства, не вызывающие у Кольцова никакой симпатии. В выходные куда-то уходила, уверяла, что в музеи или на выставки современного искусства (Хрущева на них нет), иногда приносила цветы – сначала смущалась, потом перестала. Просто прима-балерина какая-то. Пыталась убедить, что ничего «криминального», просто у нее обходительные друзья и коллеги. Похоже, появился новый (рискованный) вид спорта – ухаживать за женщиной, муж которой работает в КГБ. Валюша все чувствовала, жалобно вздыхала, иногда хватала Кольцова за руку, подводила к Насте, просила: возьми маму за руку. Сердце при этом сжималось, Настя отводила глаза. Два месяца назад ребенок пошел первый раз в первый класс. Не сказать, что понравилось, но втянулась, недавно приняли в октябрята. У Михаила совершенно не было времени заниматься ребенком! Из школы Валюшу забирала теща, она же кормила, контролировала выполнение домашних заданий. С Кольцовым не ссорилась, вела себя прилично, при встрече опускала глаза – словно знала что-то такое, что ему знать не положено...

Часовая и минутная стрелки сомкнулись на отметке «12». Концерт по заявкам «В рабочий полдень», скорее всего, отменили. Рождалось ощущение, что сегодня отменяют вообще все мероприятия и будет звучать лишь музыка Шопена и Чайковского. Прошло еще немного времени, сработала рация на тумбочке. Кольцов схватил ее, удержал клавишу.

– Говори.

– Работаем, товарищ майор, – отчитался Вадим Москвин, самый юный и не желающий взрослеть член группы. – Просим прощения, что долго не включались, просто нечего было сообщать.

– Как обстановка?

– Как в анекдоте, товарищ майор. Идет по городу пессимист, а за ним два оптимиста в штатском. – Москвин смущенно кашлянул. – Костик ударно потрудился полдня, а теперь направляется на обед домой. Повезло парню, живет рядом с институтом на проспекте Молодежи – там буквально два шага. Хорошая экономия для семейного бюджета. Не хотели брать его при всех, чтобы не будоражить общественность. Возьмем дома.

– Да, пусть поест. Ждите у подъезда, скоро буду.

Машина стояла рядом с домом – сравнительно новые «Жигули» третьей модели. Транспорт выделил хозяйственный отдел Шестого управления – в бессрочное пользование. Собственным автомобилем Михаил не обзавелся, да и не было смысла: служебный транспорт ничем не хуже. «Волгу» брать не стал, скромнее надо быть. Машина почти не ломалась, за час добегала от гостиницы до дома и обратно. Ничто не мешало жить в Москве, но Кольцов все чаще ловил себя на мысли, что не хочется. Он отвлекался от семейных неурядиц, с головой уходил в работу, не замечая, как летят дни и недели. До нужного здания он добрался за четыре минуты, провел машину по дорожке, прижал к бордюру. Дул холодный ветер. Праздношатающихся граждан было немного. Лавочки и детские площадки пустовали. Начиналась тоскливая пора. Пережить ноябрь – а там уже легче, преддверие Нового года, затем преддверие весны... Под козырьком прохлаждались трое, курили, пряча озябшие руки в карманы. Надеть перчатки что-то мешало. Хорошо хоть, теплые кепки извлекли из домашних заглазников.

– С прибытием, Михаил Андреевич, – приветствовал командира капитан Вишневский, одетый в короткое черное пальто. Модничать этот брюнет любил, в любой ситуации смотрелся пижоном. Хорошо, что работали не по фарцовщикам, иначе к Григорию появились бы вопросы.

– Приветствую, – он с каждым присутствующим поздоровался за руку, – на месте клиент?

– На месте, товарищ майор, – кивнул обычно смешливый, а сегодня серьезный Вадик Москвин (впрочем, сегодня, в связи с известными событиями, все были серьезными). – Квартира на третьем этаже. Довели до двери – и назад, ждем. Пусть поест, чтобы в камере не кормить. Жена не работает, приготовила, поди. Он обычно в двенадцать пятьдесят из дома уходит, успевает добежать до рабочего места.

– Хорошо, – Михаил покосился на циферблат. – Стоим и курим. Пусть допивает свой компот.

– Милосердный вы, Михаил Андреевич, – усмехнулся Григорий. – Но все так, приговоренных к смерти тоже плотным завтраком кормят. Казалось бы, зачем? Даже переварить не успевают...

– По телику уже передали, Михаил Андреевич? – Третий член команды, Алексей Швец, крепко с маловыразительным лицом, сурово смотрел из-под бровей. Не имело смысла спрашивать, что он имеет в виду.

– Передали, – кивнул Кольцов. – Кириллов выступил.

Возникла неловкая пауза. Мужчины курили, прятали глаза.

– Что же будет теперь? – пробормотал Москвин. – Не было еще такого на моей памяти, внезапно всё, непривычно... Печально, конечно, – спохватился сотрудник КГБ.

– Прорвемся, – уверил Кольцов. – Пятнадцатого похороны, а потом... в общем, жизнь продолжится, нормально все будет.

«Нет незаменимых», – хотел добавить он, но прикусил язык. Все свои, но лучше помолчать. Насчет незаменимых Иосиф Виссарионович сказал – и был, безусловно, прав. Личность в истории имеет значение, но не такое, чтобы рушились основы и все летело к черту. Три десятилетия назад, когда скончался Сталин, все было куда драматичнее. Народ скорбел, люди теряли ориентиры, не знали, как жить. Смерть генералиссимуса воспринималась как личная трагедия. Но справились, впоследствии населению даже намекнули, что в чем-то отец народов был не прав. Сейчас всё проще. Заслуги усопшего скромны. Из обычного человека сделали божницу. Все его видели – больного, шамкающего, гремящего орденами и медалями, исполненного тщеславия и собственной значимости. Сталин – фигура неоднозначная, но над ним, сидя на кухне, не смеялись, анекдоты не рассказывали. «Маршал Жуков перед штурмом Берлина докладывает Сталину план операции. Сталин: «Позовите полковника Брежнева, я должен с ним посоветоваться»».

– Ладно, хватит сопли морозить, – проворчал Кольцов и первым вошел в подъезд.

Поднялись пешком, фигурант проживал за дверью, обитой новым дерматином. Михаил позвонил – в квартире раздался мелодичный перезвон. «Дорогая, не вставай, я открою!» – донесся из-за двери голос, зашлепали тапки. Дверной глазок отсутствовал – ничего удивительного, новшество коснулось еще не всех.

– Кто? – спросил мужской голос.

– Соседи, – добродушно отозвался Михаил.

Дверь отворил молодой человек лет двадцати восьми, интеллигентной наружности, в очках, в светлой водолазке и домашних трико. Он все еще что-то жевал, в правой руке держал кружку. За порогом стояли четверо с непроницаемыми лицами. «Не много ли чести? – мелькнула мысль у Кольцова. – Еще бы спецподразделение вызвали».

– Балашов Константин Евгеньевич? – вкрадчиво осведомился Михаил, переступая порог.

Фигурант машинально попятился, тень беспокойства легла на чело.

– Да, а в чем дело? – Слова пошли не в то горло, молодой человек закашлялся.

– Комитет государственной безопасности, – Михаил предъявил удостоверение, вынул кружку из дрогнувшей руки хозяина квартиры, поставил на тумбочку. – Вы задержаны, гражданин Балашов. Одевайтесь и следуйте за нами.

Лицо молодого человека стало мучнистым. Запотели стекла очков. Он стащил их с носа, стал судорожно протирать краем водолазки. Водрузил обратно, толком не протерев. Михаил терпеливо ждал, осматривался. Обычная квартира для младшего научного сотрудника. Деньги, нажитые непосильным шпионским трудом, если не дурак, куда-то запрятал.

– Почему? В чем дело? Я ничего не совершил... – Молодой человек пятился.

– Без сцен, Константин Евгеньевич, договорились? Прекрасно понимаем ваши чувства. Это непросто. Но вы же понимали, на что шли?

– Нет, я не понимаю... – Балашов был сам не свой от страха. Ноги онемели, затравленно бегали глаза. – Подождите, – вспомнил он, – я же не могу, у меня рабочий день, начальство прогул поставит...

– Он серьезно, товарищ майор? – удивился Шве́ц.

– Нет, конечно, – улыбнувшись, сухо сказал Михаил. – Константин Евгеньевич шутит. Прогул – это последнее, что должно его беспокоить. Вы в порядке, Константин Евгеньевич? Будете собираться или вам помочь?

– Милый, что случилось? Кто эти люди? – Из дальней комнаты вышла молодая женщина, одетая в домашний трикотажный костюм.

Кольцов поморщился. Последние месяцы беременности, уже в декрете. Что не хватало дураку? Нормальная квартира, не последний город в стране, жена, ребенок, перспективы карьерного роста в динамично развивающейся отрасли. А теперь неизвестно, когда ребенок увидит отца и увидит ли вообще.

– Милая, меня забирают... – с обреченным видом пожаловался Балашов. – Любовь моя, это чудовищное недоразумение.

Ошибки не было – он знал, в глазах поблескивал тоскливый огонек.

– Что вы себе позволяете? – воскликнула девушка – и перешла на бег. – Оставьте в покое Костю! Что он вам сделал? Кто вы такие?

Вишневский остановил ее со всей присущей ему деликатностью, показал удостоверение. Девушка онемела, тоже стала бледнеть, вопросительно уставилась на мужа.

– Все, хватит. – Кольцов повысил голос. Извращенцем надо быть, чтобы получать удовольствие от подобных сцен. – Собирайтесь, гражданин Балашов. А вы, гражданка, через три часа подойдите к кабинету номер три – двенадцатое здание по улице Мира. С вами проведут беседу, и получите ответы на свои вопросы. Не забудьте паспорт.

Допрос задержанного проводили с колес – едва доставили в местное отделение комитета. Младший научный сотрудник тряся от страха, даже не скрывал своих эмоций. «Куй железо, пока горячо, майор, – сказал по телефону непосредственный начальник полковник Рылеев. – И прими поздравления по поводу первой ласточки».

Михаил с интересом разглядывал задержанного. Парень вел себя нервно, сидел как на иголках, постоянно просил воды. Каждую фразу он предварял какими-то кряхтящими звуками. Неужели пошел процесс разоблачения преступной группы? Хотелось троекратно сплунуть и постучать по дереву. Полковник Рылеев озвучил удручающую истину: впервые взяли виновного. Попытки выявить преступников были и раньше, но все заканчивалось неудачами. Почти два месяца органы госбезопасности работали в Зеленоградском институте физических проблем. Учреждение имело большое значение для оборонной промышленности. В нем проводились общенаучные и прикладные исследования, опытно-конструкторские работы, формировались основы элементов электронной техники. В институте разрабатывались энергонезависимые запоминающие устройства – в том числе для военной техники. Направление работ впечатляло – ЗУ, приборы с зарядовой связью, эффективные светодиоды, сложные интегральные схемы, жидкокристаллические экраны и индикаторы – совершенно новое и перспективное направление. Вооружению и военной технике уделялось повышенное внимание. Конструировались и испытывались вычислители: для боевых машин пехоты, системы активной защиты танков, зенитно-ракетных комплексов, корабельных батарей. В институте создавались электронно-вычислительные машины: для пунктов разведки и управления огнем, корабельных зенитных комплексов «Палаш» и «Кортик», оптико-электронных прицельных станций, РЛС управления артиллерийским огнем. Ученые корпели над бортовой аппаратурой ракетных комплексов и огнеметных систем, электронной начинкой космического корабля «Союз», истребителей и бомбардировщиков КБ «Сухой». Переоценить значение этой работы было невозможно. Трудились лучшие умы страны, предлагались оригинальные и нестандартные решения – ученая мысль не знала преград. Многие разработки не имели аналогов в мире. И вот в этом передовом заведении – «паровозе» научно-технического прогресса – обосновались лазутчики. Передавалась на Запад информация – да в таком количестве, что практически нивелировалась работа огромного коллектива...

Копали скрытно, без огласки – важные разработки требуют тишины. Отсеивали сотрудников, влезали в какие-то дебри науки. Григорий Вишневецкий смеялся: еще немного, и можно научную работу писать – по цилиндрическим магнитным доменам и материалам со сверхпроводимостью!

Научно-техническая информация сливалась масштабно. Это подтверждали резиденты ПГУ в капиталистических странах. В западную экономику уже внедрялись советские разработки – светодиоды, интегральные схемы, современные полимеры. При этом в Союзе внедрение буксовало ввиду бюрократии и узости мышления. Шпионы действовали аккуратно, на рожон не лезли. Скрывать свою работу органы могли лишь до определенного предела, потом все вылезало наружу. Заинтересованные лица обо всем знали, но все равно продолжали вредить. Спецслужбы Запада платили щедро, пользовались жадностью завербованных граждан. В какой-то момент тайное стало явным. Погиб при загадочных обстоятельствах заведующий лабораторией криоэлектронных интегральных схем кандидат технических наук Пушнов. Ехал на дачу, разогнался, и на высокой скорости вдруг отказало рулевое управление, машина врезалась в дерево. Вместе с Пушновым погибла жена, а десятилетний сын, сидевший сзади, чудом не пострадал. Эксперты дали заключение – над рулевой колонкой потрудился специалист. Качество советских автомобилей – тема для анекдотов, но руль заклинивает крайне редко. Видимо, Пушнов много знал и представлял для врагов опасность. В последнее время он вел себя странно – запирался дома в кабинете, грубил родным и близким. Ничего интересного при обыске не нашли. По горячим следам взяли его за ма Лактионова – эти двое тесно контактиро-

вали. Кольцов возражал против скоропалительных решений, но местные товарищи настаивали на аресте и выбили санкцию у московского руководства. Проверка показала: Лактионов чист, человека выпустили, но биографию подпортили. Ушла жена. Талантливый инженер уволился из НИИФП, где курировал несколько ответственных проектов, уехал в Сибирь. Попутно следили за сотрудниками западных диппредставительств. Это было неблагодарным делом – не хватало людей. Все изменилось, когда в пригородной электричке засекли сотрудника американского посольства Алана Робинсона. Он сошел не где-нибудь, а в Зеленограде!

Сотрудник 7-го Управления, осуществлявший слежку, возбужденно докладывал: Робинсон сошел на перрон, ходит по торговым рядам на местном рынке, приценивается к картошке. Потом быстро договорился с местным частником: его авто стояло на краю рынка. Гражданин незаконно занимался частным извозом. Робинсон сел в машину и уехал. Сотрудник преследовал его на УАЗе из местного АТП – ничего другого на рынке не нашлось, а водитель покупал капусту. Под угрозой немедленной отправки в Магадан этот парень сделал все как надо. Робинсон вышел у сквера на окраине города, где еще не снесли барачные постройки первых строителей. Робинсон вел себя привычно, расслабленно. Осмотрелся и вошел в парк, где произошла «знаменательная» встреча с молодым человеком пугливого вида. Последний передал Робинсону сверток и откланялся. Раздвоиться сотрудник «семерки» не мог, побежал за парнем. Тот не был опытным шпионом, постоянно озирался, проявлял нервозность. Впоследствии смеялись: ищем матерого волка, а берем «практиканта», на которого и не подумаешь. Момент передачи свертка иностранному гражданину был зафиксирован фотокамерой. Сотрудник даже подслушал часть беседы. Робинсон говорил с акцентом, но понятно: «Передайте своему куратору, что нужно поменять место встречи – мы им пользовались уже дюжину раз, это становится опасно. А в целом мы вами довольны, ваша работа оценена, рассматриваем увеличение гонорара и надеемся на дальнейшее сотрудничество».

Как ни крути, это был прорыв. Впору за голову хвататься: только с Робинсоном они встречались «дюжину раз»! Каков же суммарный масштаб передаваемой информации? Сектор, в котором трудился Костик Балашов, занимался усовершенствованием электронной начинки снарядов с термобарическими боеголовками для тяжелой огнеметной системы «Буратино». Комплекс разрабатывали с 79-го по 81-й год, на вооружение еще не приняли, доводили до ума. Основные работы осуществлялись в омском КБ «Трансмаш», а специалисты НИИПФ занимались бортовой аппаратурой и прочими электронными схемами. Оружие было поистине прорывным. Ничего подобного в мире не изобретали. Система с умильным детским названием уничтожала легкобронированную и автомобильную технику, пехоту противника, здания, укрепленные районы, расположенные на открытой местности. Уничтожение производилось воздействием высокой температуры, осколками, ударной волной и мощным давлением, создающимся в момент подрыва неуправляемого снаряда. Выжить в зоне поражения было невозможно. Помимо термобарических зарядов, использовались обычные зажигательные, но и они обладали мощным разрушительным действием. Капсулы со снарядами размещались на шасси танка «Т-72». Испытания прошли успешно, требовались лишь некоторые доработки. Установка появилась не из воздуха, рождению «малыша» предшествовала долгая и кропотливая работа химиков, конструкторов и электронщиков.

Устанавливать слежку за Балашовым не стали. Как метко выразился Алексей Швец, «тут и ежику все понятно». Даже услугу оказали шпиону: сообщникам ничто не мешало избавиться от него, как и от Пушнова.

Балашов был просто наглядным пособием для психиатра: нервный зуд сменялся подавленностью, провалами в тоскливое ожидание. В моменты «прояснения» он смотрел со страхом на сидящего напротив офицера.

– Закурите? – предложил Кольцов. Арестант замотал головой. Допрашивать подобную публику было несложно, такие раскалываются в первые полчаса.

– Нет, спасибо, не курю... Это очень вредно... Послушайте, я до сих пор не понимаю, почему меня здесь держат. Я всего лишь младший научный сотрудник, не владею секретами, на работе занимаюсь проводимостью текучих материалов...

– Вы в чем-то правы, – усмехнулся Кольцов. – Эти материалы имели повышенную текучесть. Не подскажите, сколько их утекло? Мы слышали ваш разговор с господином Робинсоном, или как он вам представлялся? Только с ним вы встречались больше десяти раз и регулярно передавали материалы, представляющие государственную тайну.

– Да ничего такого... – У молодого человека перехватило дыхание.

– Перестаньте. Есть вещи очевидные, и их бессмысленно опровергать. Допускаю, что специалист вы невидный, использовали в качестве курьера, а также громоотвода, или, если угодно, козла отпущения. Но со временем вы бы выросли – ведь у вас имеется доступ к кое-каким государственным секретам? Вы набираетесь опыта, знаний – и ни случись сегодняшнее досадное событие, года через три ваша должность избавилась бы от приставки «младший». Но это лирика, зачем говорить о том, чего не будет? С каким проектом связана сегодняшняя передача?

– Не понимаю, о чем вы... – Балашов цеплялся за последнюю надежду выкрутиться.

– Скажите, как его зовут? – не удержался от подначки Кольцов. – Бу...

Балашов затрясся, теряя остатки самообладания.

– Хорошо, я все расскажу... Это зачтется, правда? Я только передавал человеку какие-то свертки. У меня беременная жена, вы сами видели. Как она будет жить без меня?

– Раньше бы думали, Константин Евгеньевич. Подавляющее большинство молодых ученых живут нормальной жизнью, работают на благо страны, заводят семьи, детей, пользуются благами, что дает им наш государственный строй, – и всем довольны. Что вам мешало быть как все? Не надо торговаться, Константин Евгеньевич. Скажу одно – раскаяние и искренность зачтутся.

Балашов раскололся, как гнилой орех. Всеми секретами закулисной жизни отдельных представителей научного общества Константин не владел. Структура, в которой он трудился, разрабатывала начинку боевых ракет. Фундаментальными исследованиями там не занимались – только прикладными работами. Из отдела выходили сложные электронные схемы. Производили их здесь же, на приданных институту производственных площадях. Куратором Балашова являлся Денисов Олег Витальевич, ведущий специалист и большой умница – всячески обласканный и награжденный властью. Работник был ценный. И куратором являлся отличным. По словам Балашова, Денисов давно сотрудничал с иностранцами. А лично он – всего полгода, после того как случайно застукал Денисова, склонившегося с фотокамерой «Пентакс» над секретными бумагами. Ничто не мешало сдать шпиона в КГБ, но история пошла другим путем. Денисов уговорил Балашова записаться в сообщники. Посулил большие деньги. Жена уже была в положении. Устроил встречу с иностранным дипломатом, тот сделал Балашову пару комплиментов и увеличил «гонорар» вдвое. На работе Константина так не ценили. Он и не догадывался, что был на волосок от гибели, откажись сотрудничать. Денисов дал Костику самиздатовского Солженицына – ознакомиться, в какой стране тот живет. А те, кому он передает «посылки», – светочи мира и гуманизма, подлинные демократы, и помогать им – просто честь...

Все это было безумно интересно, но время шло. Денисов, к сожалению, в разработку не попал, хотя и отмечался в списках. Слишком уж заслуженным он был. Чист и непорочен, член партии. Если такой предаст, то с кем останется страна? Его решили брать немедленно. Но все равно не успели. Рабочий день еще не закончился. Группа Кольцова на двух машинах выдвинулась к институту. Пропуска имелись, сотрудников КГБ никто не досматривал – хоть гранатомет пронеси. Ведущего специалиста Денисова на месте не оказалось. Разозленным чекистам предстала перепуганная секретарь – молодая, кареглазая, с ногами от ушей, которые

стыдливо прятала под бесформенной юбкой. «Олег Витальевич ушел с работы примерно полчаса назад, – поведала секретарь. – Вернее, убежал, и при этом на нем лица не было». Как выяснилось, бегству предшествовал звонок беременной супруги Балашова. Денисов говорил с ней по телефону, находясь у себя в кабинете. Секретарю было стыдно, но она подслушала разговор. Девушка не сдерживала рыданий. Сообщила, что ее мужа арестовали сотрудники КГБ и она не знает, что делать! Костик ни в чем не виноват, но разве им докажешь? Она никого не знает – ни в милиции, ни в горкоме, ни, боже упаси, в КГБ. Что делать?! Знает только Олега Витальевича как научного наставника Кости. Может, у него есть выходы на органы? Ее саму пригласили в комитет для дачи показаний, но она боится идти. Закроют обоих, отправят по этапу без суда и следствия... Девушка умоляла Денисова: помогите, сделайте что-нибудь, пока Костика далеко не увезли!

Секретарь сгорала от стыда, но рассказывала. Молчать под взглядами потомков железного Феликса было невозможно. Алена Балашова была на грани истерики, Олег Витальевич мрачно ее слушал. Потом выдал из себя, что обязательно поможет, и бросил трубку. Можно понять, что творилось у него на душе. Знал, чью фамилию первым делом назовет Костик. Скрипели шкафы, хлопали ящики. Денисов вышел из кабинета, держа в руках спортивную сумку. На нем лица не было. Буркнул, что скоро вернется, даже в глаза не посмотрел – и был таков.

«Ничего не меняется в этом мире, – сокрушенно вздохнул Вишневский. – Всегда приходим, когда гости уже разошлись».

На проходной сообщили, что Денисов пулей вылетел с территории и побежал к тротуару, где стояла его машина – темно-серый «Москвич-412». Поехал ли прямо или развернулся, вахтеры не обратили внимания. Бежать Олегу Витальевичу было некуда, но большинство рассекреченных шпионов все же убегают. Город был немаленький, невзирая на юный возраст. Полетели сигналы всем постам ГАИ: остановить темно-серый «Москвич» с таким-то номером! Водителя задержать! Всем патрулям сообщили приметы предполагаемого преступника. Денисов мог уже проскочить – потеряли полчаса. Но не проскочил – «Москвич» обнаружили на улице Советской, в трех кварталах от городской черты. Денисов остановился на обочине, продолжить поездку не смог – подвел отечественный автопром. Из капота еще тянулся дымок. Перенервничал Олег Витальевич, и двигатель перетрудился.

«Типичный бабский подход, – в шутливой манере прокомментировал Вишневский, – обе педали нажимать одновременно».

Подтянулись местные товарищи, сотрудники милиции, стали прочесывать район, продвигаясь к окраине. Дул промозглый ветер, стелилась поземка. Столбик термометра застыл на отметке «ноль». В сквере между высотками было неуютно, жались друг к дружке облетевшие кусты. Пустовали лавочки. По дорожке, огибающей парковую зону, бегал средних лет физкультурник в тренировочном костюме с олимпийским мишкой. Пенсионерка, выгуливающая болонку, вспомнила: был такой человек. Пришел оттуда, от центра. Представительный, статный, со светлыми волосами и хорошо одетый. Сумка была на плече. Шел быстро, но устал, запыхался, сел отдохнуть. Сначала смотрел в пространство, потом издал тяжелый вздох, обхватил виски. Женщина спросила: «Всё ли в порядке?» Мужчина посмотрел на нее как на пустое место, потом помотал головой и буркнул: «Да, спасибо». Пенсионерке даже жалко его стало. Видно, неприятности у человека. Когда она с болонкой прошла мимо, тот еще сидел. Отдышался, закурил. Вынул из кармана блокнот, стал выдирать листы и рвать их на мелкие кусочки. Интеллигентная натура, впрочем, давала о себе знать – бросал обрывки в урну. Когда пенсионерка шла обратно, незнакомец уже уходил – как-то шатко, неуверенно, сумка постоянно сваливалась с плеча. Словно давил на человека атмосферный столб. «Ничего, дорогу осилит идущий», – подумал Кольцов. На вопрос, куда он пошел, пенсионерка указала в ту сторону подбородком. На вопрос «когда?» последовал уверенный ответ: минут пять назад... Снова

пришли в движение. Шли по дуге, связывались с помощью раций. На краю парка остановили пробегающего мимо физкультурника. Тот подтвердил: видел, как человек сошел с аллеи, пролез через кусты и подался к девятиэтажкам. Физкультурник побежал дальше. Швеc утpюмо смотрел ему вслед, проворчал: «Беги, беги, от инфаркта все равно не убежишь».

Денисов возник, когда ускоренным маршем преодолели несколько дворов. Человек в светло-серой куртке шел неуверенно. Со стороны казалось, что он выпил. Денисов проходил мимо детской площадки, сумка свисала с плеча. Держал на работе «тревожный рюкзачок»? Какая предусмотрительность, однако... За пустырем поблескивала Сходня, обозначилась набережная. Видимо, шел на «автопилоте», не особо вникая в свои зигзаги. Гавкнула в спину овчарка, натянула поводок. Он пугливо оглянулся, ускорил шаг. Хозяин собаки, увальень лет двадцати, курил с товарищем у детских качелей. Буркнул: «Фу, Мухтар» – и исподлбья уставился на подбегающих мужчин. Денисов снова обернулся – изменился в лице и помчался семимильными шагами! Остался еще порох в пороховницах! Споткнулся Швеc и чуть не растянулся. В товарища врезался Вишневский, стал ругаться. Москвин перескочил бордюр, подался в обход, чтобы не сесть в лужу, подернутую коркой льда, потерял кучу времени. Пронзительно лаяла овчарка, ее хозяин выглядел растерянным.

– КГБ! – рявкнул Михаил. – Собака злая?

– Так видите же... – Парень хлопал глазами. – А вообще Мухтар воспитанный, без команды не бросится...

– Так скомандуй! Да не на нас, а на того мужика!

Паренек оказался не таким уж увальнем. Нервно засмеялся его прыщавый товарищ. Мухтар уже работал – помчался, подчиняясь визгливой команде. Восхищенно присвистнул Вадик Москвин, угодивший-таки в лужу. Овчарка неслась галопом, грозно рычала. Денисов взвыл от страха. Он бежал как олимпийский чемпион. Этот человек был в безупречной физической форме! Расстояние сокращалось, но не критически. Он выбежал к реке. Сходня петляла по городской черте, убегала за пределы Зеленограда. Не широкая, но все же полноценная водная преграда. Справа набережная обрывалась. Слева был обрыв, Денисов приближался к нему по касательной, перемахнул пешеходную дорожку. Шарахнулась мамаша с коляской, проводила взглядом бегущего человека. Затем уставилась на собаку, которая уже настигала беглеца. Мухтар сделал впечатляющий прыжок, чтобы запрыгнуть Денисову на спину, – в этот момент шпион и покатился с обрыва! Собака затормозила – не сумасшедшая же, – забегала вдоль обрыва, разочарованно скуля. Стали подбегать люди – запыхавшийся собачник, сотрудники КГБ. Где-то в арьергарде тащился Швеc, припадая на подвернутую ногу.

– Парень, уводи собаку! – прохрипел Михаил. – Оба молодцы, благодарю за службу.

«Колобок» оказался везучим: от людей ушел, от собаки ушел. Денисов скатился с крутого откоса, ничего не повредив – только сумку потерял. Он убегал по узкой прибрежной полосе к дощатому причалу, где ютились непрехотливые плавсредства. Олег Витальевич неустанно озирался, интеллигентное лицо кривила гримаса.

– За ним, товарищ майор? – Вишневский оценил на глазок перспективы возможного падения.

Появлялись зрители – здесь куда интереснее, чем смотреть по телевизору «Лебединое озеро». Люди держались в отдалении, оживленно переговаривались. Денисов, прихрамывая, отдалялся. Далеко впереди остановился милицейский «УАЗ», спешили сотрудники, чтобы перекрыть дорогу беглому шпиону.

– С собакой вы здорово придумали, товарищ майор, – похвалил Кольцова хромающий Швеc. – Не помогло, правда, зато испугали злодея – вон как припустил... А что, он сдаваться не будет?

Сдаваться Денисов не собирался. В чем имелся резон – добровольная сдача на приговор уже не влияла. Увидев, что дорога перекрыта, он развернулся на сто восемьдесят граду-

сов, припустил к причалу, который миновал минуту назад. У помоста стояли на приколе ржавые катера, весельные и моторные лодки. Мелкие плавсредства еще не убрали, хотя навигация давно закончилась. Но не для Денисова. Когда сотрудники осторожно спустились с обрыва, хватаясь за выющиеся по откосу корни деревьев, Денисов уже открепил канат, связывающий суденышко с берегом, перелез в плоскодонку и стаскивал чехол с навесного мотора. Пресечь его действия оказалось некому, причал пустовал. Ноги вязли в рыхлой глине, бежать не хотелось. Прибрежные воды затянула хрустящая корочка – лед был хрупче хрустали, ломался от слабого прикосновения. Денисов, стащив с мотора чехол, дергал за веревку. Двигатель не заводился. Станный человек – с чего бы он завелся? Бензин давно слили, мотор законсервировали (правда, не убрали – но это типичная отечественная бесхозяйственность). Видимо, не в том был умен этот инженер. Мужчина кряхтел, безуспешно рвал заводку, косил взгляд на приближающихся людей. Оставил тщетные попытки завести мотор, схватился за весла в уключинах. Кольцов ускорил движение. Шпион сделал несколько гребков, бросил весла и мрачно уставился на ствол пистолета, направленный ему в голову. Лодка покачивалась в нескольких метрах от причала, медленно двигалась по течению.

– Далеко собрались, Олег Витальевич? – спросил Михаил, опуская пистолет. – Не заводится эта «скороварка»? Сочувствую. И что теперь? Будете на льдине до весны дрейфовать? У вас с головой все в порядке? Сдается, что нет. Хочу предупредить: попытаетесь сбежать – прострелю лодку. Купались когда-нибудь в ноябре? Это неприятно, поверьте. И лечиться придется не дома, а в изоляторе.

– Что вам надо? – прохрипел ведущий специалист. Он сник, сидя на банке, понуро опустив плечи.

– Как – что? – удивился Кольцов. – Арестовать вас хотим за измену Родине и сотрудничество с западными спецслужбами. Или это произвол кровавого КГБ?

– Это ошибка, – прошептал Денисов. Кровь отлила от лица, он напоминал какого-то увядающего Фантомаса. – Вы не того взяли, я ни в чем не виноват...

– Странно, Михаил Андреевич, – подал голос Вишневский. – Люди, которых мы берем, как правило, образованные, эрудированные, имеют большой словарный запас. А приходим за ними – лепечут одно и то же, ни ума, ни фантазии.

– Память отшибает, – предположил Кольцов. – В голове остается только примитив. Понимаем вас, Олег Витальевич. Непростая это ситуация для невинного человека. Балашов возводит на вас напраслину, машина сломалась, собака едва не покусала... Столько испытаний выпало на вашу долю. Берите весла, начинайте грести, только в нашу сторону, а не в обратную. Мы не можем вас выгуливать до вечера, не вынуждайте стрелять.

Денисов подчинился – остались в голове крохи разума. А вот когда его вытаскивали на причал, снова взбрыкнул, стал отталкивать окруживших его людей. Проворчав: «А вот зубы можно было и побережь», Швец отвесил шпиону оплеуху. Дернулась голова, кровь побежала по губе. Руки преступника повисли плетью.

– Хватит, – бросил Кольцов. – А то выьем его золотые мозги. Не дергайтесь, Олег Витальевич, все кончено. Начинается новая жизнь.

– Надеемся, недолгая, – буркнул Вадик Москвин, потирая отбитое локтем преступника ухо.

Глава вторая

Денисов особо не запирался. Очная ставка с Балашовым ускорила процесс признания. Он курил без остановки, едва кончалась сигарета, тут же просил новую, и это стало раздражать. Пачка была не резиновая, а зарплата у чекистов, вопреки представлениям, не поражала воображение.

– Хватит, Олег Витальевич. – Михаил отодвинул сигареты. – Не рассчитывайте умереть на месте от рака легких. Вам еще жить и приносить пользу государству. Рассказывайте. Про Алана Робинсона мы уже знаем, но другие белые пятна в вашей биографии остались.

В истории шпиона не было ничего оригинального. Обычная алчность – накопить денег в одном из западных банков, сбежать в лучший из миров (так и выразился), где и прожить счастливую полноценную жизнь. С женой все равно отношения разорваны, с детьми не сложилось по причине ее бесплодия. Ничто не держит в этой стране – ни родня, ни работа, ни любовь к партии и правительству. Партийным билетом готов подтереться хоть сегодня. Вербовка, заоблачные перспективы, передача материалов людям, выходящим на контакт, – все это было интересно, но не приоритетно. Еще найдутся благодарные слушатели.

Сектор Денисова занимался сложной электроникой установки тяжелой огнеметной системы «Буратино» – и не только бортовой аппаратурой ракеты, но и прицелами, гироскопами для сохранения устойчивости комплекса, начинкой приборной панели. Не все материалы удавалось запечатлеть и передать заинтересованным лицам – их накопилось воз и тележка. Но основные – точно. Чертежи, схемы, результаты лабораторных испытаний. Он был осторожен, все просчитывал. Талантом бог наградил, работа нравилась, натура новатора-изобретателя рвалась в бой. Доходило до смешного – свои же наработки тут же сбывал налево, а попутно – и на благо отечественной оборонки.

– Давайте о сообщниках, – предложил Михаил. – Только закурить не просите, у вас уже дым из ушей валит. Сигареты получите после допроса.

– Кроме Балашова, в этом институте нет сообщников, – пожал плечами Денисов. – Допускаю, что где-то есть люди, сотрудничающие с иностранцами – институт большой, контингент думающий, люди образованные и свободолюбивые...

Денисов сделал паузу. Кольцов не прерывал. Грызться по мелочам – себе дороже.

– Да и работа идет по разным направлениям, – продолжал инженер. – Но ко мне эти люди не имеют отношения, я про них не знаю. Балашов, Алан Робинсон, а если человек незнакомый – условная фраза и отзыв, о которых вас уведомили. Телефон для связи в Москве, абонентский ящик в почтовом отделении в Строгино... которым я никогда не пользовался. Пожалуй, все. Можете не верить...

Арестант не врал – да и есть ли смысл лукавить в его положении? За героическими поступками – не сюда. Расстрельная статья мерцала отчетливо. Сам погибай, а товарища выручай? Точно не сюда.

– Вы сказали, что в «этом» институте нет сообщников. Развивайте мысль, Олег Витальевич.

Всплывали интересные факты. Работа над проектом производилась совместно с омским КБ транспортного машиностроения. Все «железо» конструировали именно там. НИИФП занимался электроникой, иногда – оптикой. В Омске создавали огнеметную систему с нуля, имея на руках лишь распоряжение правительства и примерные характеристики оружия. Ничего подобного в мире не существовало. Поначалу к проекту относились скептически, все же под словом «огнемет» понималось несколько другое – ранец за спиной, раструб, огневая смесь, выбрасываемая на незначительное расстояние. Здесь же предлагали стрельбу снарядами, и уже по их прибытии – возгорание. До термобарических зарядов додумались позднее. Именно в Омске

решили использовать шасси от «Т-72», разработали систему зарядки, единый пакет, куда помещались все тридцать снарядов, рассчитывали грузоподъемность, устойчивость, изобрели качающуюся часть пусковой установки на поворотной платформе. Разрабатывали прицелы, силовые следящие приводы, позволяющие операторам во время наведения на цель не выходить из машины.

– Фамилия человека, работающего на ЦРУ, Поплавский, – сообщил Денисов. – Зовут Алексей Львович. Мы с ним встречались пару раз, он приезжал в составе делегации в Зеленоград. Также я сам пару раз бывал в Омске, общался с Алексеем Львовичем. Робинсон пошел на риск, свел нас. Думаю, это было необходимо – мы работали над одним проектом. Масса нюансов, координация действий, к тому же мы можем связываться друг с другом открыто, не боясь быть засвеченными. Поплавскому сорок три или сорок четыре года, выпускник МГУ, блестящий специалист в области проектирования и конструирования. Один из ведущих специалистов, входит в группу разработчиков комплекса. Сказать по правде... – Денисов замялся и со вздохом решил продолжить (сдавать так сдавать), – он не один в омском КБ работает на Робинсона, там целая группа... товарищей. Я их не знаю, это правда. Эти люди... или человек – креатура Поплавского, и своих помощников он держит в секрете.

– У Поплавского есть семья?

– Да... У него хорошая квартира в центре города, жена... Есть дочь, уже взрослая, учится, если не ошибаюсь, в Новосибирском институте легкой промышленности.

– Чем конкретно занимался Поплавский по проекту?

– Это целый спектр направлений... – Денисов задумался. – Во-первых, сами снаряды для огнеметной системы. В головной части могут находиться два наполнителя: с зажигательным или термобарическим составом. Химией он не занимается, но доступ к этой информации имеет. Кроме боеприпаса, в неуправляемых снарядах находятся взрыватели и твердотопливный ракетный двигатель. Поплавский совместно с коллегами разрабатывал этот двигатель. Он создавал специальную систему управления огнем – прицелы, лазерные дальномеры... Помню, им требовался электронный баллистический вычислитель для расчета угла возвышения – и наш институт работал над ним почти полгода. Поплавский с коллегами установили лазерный дальномер – с его помощью расстояние до цели определяется с точностью до десяти метров. Эти данные вводятся в вычислитель, тот рассчитывает необходимый угол возвышения установки. А угол крена пакета с ракетами фиксируется автоматическим датчиком и также автоматически учитывается вычислителем. За эту разработку коллектив автоматчиков, которых также курировал Поплавский, получил годовую премию.

«В размере четырнадцати рублей», – мысленно закончил Кольцов. Оправдывать шпионов – не его удел, но зарплата, получаемая разработчиками, и мощь оружия, которое они создавали, – явления несовместимые.

– Кроме того, Алексей Львович проектировал пакет направляющих для снарядов, лично контролировал на местном производстве установку боевой части на шасси, оснащал машину гироскопами, целеуказателями, участвовал в первых испытаниях установки на одном из полигонов области.

– Хорошо, я понял вас, Олег Витальевич. Когда вы в последний раз связывались с Поплавским?

– В сентябре. Это был официальный контакт. Требовалось внести незначительные изменения в качающуюся часть пусковой установки и механизм поворотной платформы. В их работе задействованы узлы с электронными схемами.

– Больше вы с ним не контактировали?

– Нет, – Денисов решительно помотал головой. – Ни официально, ни... другим образом.

– Хорошо. Закончим на сегодня.

Продолжения не последовало. На следующий день всю команду вызвали в Москву. «С вещами», – кратко проинформировал полковник Рылеев. Арестованных вывезли туда же, поместили в следственный изолятор в Лефортово. Событие было неординарное. Славный город Зеленоград оставался в прошлом. Странно посмотрела Настя: мол, неужели? Радостно завизжала подтянувшаяся в росте Валюша, она стала бегать вокруг папы кругами. «Смотри-ка, не забыла», – умилялась супруга.

В Зеленоград отправили других сотрудников – подчищать хвосты. Предстояло усиление первых отделов, полная перестройка работы с целью выявления лиц, продолжающих подрывную деятельность. Судя по донесениям из-за бугра, в институтах Зеленограда их окопалось немало.

– Прими поздравления, майор, – сказал Рылеев, пожимая руку подчиненному. – Результат, какой ни есть, наблюдается. Теперь поедешь в Омск, на очереди Поплавский и все, кто с ним. Бери своих людей, и чтобы завтра был на месте.

– А нет, все нормально, показалось, – прокомментировала Настя, когда он вечером сообщил ей последние новости. – Будем считать, что ты не приезжал. Не обижайся, Кольцов, ты ни в чем не виноват, я все понимаю. Но ведь и я не виновата, правда?

Группа прибыла в «Домодедово», до вылета оставалось сорок минут, когда подбежал работник аэропорта, спросил, не он ли Кольцов? Срочно к дежурному, телефонный вызов! Даже здесь его нашел полковник Рылеев.

– Думал, не найду? – Полковник явно был расстроен. – Не волнуйся, не соскучился. Есть свежая информация. Давай решать, что делать. Вчера в составе делегации Алексей Львович Поплавский вылетел на технический симпозиум во Франкфурт-на-Майне...

– Это как? – не поверил Кольцов. – Разве такие персоны – выездные?

– Нет, – фыркнул Рылеев. – Но в данном случае система не сработала. Почему – надо разбираться. Из Омска сообщили, что Поплавский занял место другого человека, не поехавшего по болезни. История странная, но, повторяю, надо разбираться. Вторая новость: по прибытии во Франкфурт Поплавский немедленно оторвался от группы и пропал. В гостинице его нет, в округе тоже. Представитель от нашей конторы носится как угорелый и сыплет голову пеплом.

– Немудрено, – вздохнул Михаил. – Следующий этап – просьба предоставить политическое убежище, как жертве бесчеловечного режима. В ближайшее время мы об этом услышим. И что-то подсказывает, что прошение будет удовлетворено. Поплавский – кладезь научно-технических секретов. Об аресте Денисова ему, разумеется, доложили – занервничал, развил деятельность. В итоге подвернулась эта поездка, которую он уже держал в уме. Единственный положительный момент: гадить на рабочем месте он уже не будет. Нам возвращаться, Валерий Леонидович? Посадку еще не объявили.

– Нет. Как летели в Омск, так и летите. Работайте в КБ, с семьей – пройдите, так сказать, по стопам нашего нового друга. Выясните, кто поспособствовал столь стремительному бегству. Как вообще такое могло произойти? А насчет «не гадить на рабочем месте» – тоже не стал бы делать поспешных выводов. Есть мнение, что преступной деятельностью Поплавский занимался не один. В общем, действуй, майор, семь футов тебе, как говорится, под килем.

– Маловато, товарищ полковник. На такой высоте даже утка не полетит.

Сибирский город встретил минусовой температурой и снегом по пояс. Прогнозы на последующие дни вообще убивали: лютая сибирская стужа во всей красе. Тепло одеться, конечно, не удосужились. Но сотрудники не ныли, стойко переносили тяготы и лишения. Насчет полезности этой командировки имелись резонные сомнения. Чекисты приплясывали на стоянке перед зданием аэропорта, кутались в демисезонные пальтишки, натягивали на уши кепки. Электронный термометр на здании аэровокзала показывал минус 18, и вряд ли он сломался.

«Не могу понять, – бормотал Вишневский, – почему слово “Сибирь” в последние годы перестало нас пугать. По мне, так очень неприятное слово...»

Машина, присланная из местного управления, опоздала. Водитель оправдывался: на дорогах заносы, аварии, полчаса простоял в пробке на трассе. Скептически обозрел влезших в салон пассажиров, покачал головой: придется утепляться, товарищи. Сибиряк – это не тот, кто мороза не боится, а тот, кто тепло одевается.

– Для наших мест – нормальная осень, – рассуждал сотрудник, выводя «Волгу» на дорогу. – Видели и не такое. В ближайшие сутки – минус тридцать.

– Осень, говоришь, товарищ? – пробормотал Кольцов, грея над печкой озябшие руки.

Город встретил непролазными сугробами. Работала уборочная техника, мелькали лопаты дворников. Транспаранты, прославляющие 65-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, странно сочетались с портретами почившего генсека, вставленными в траурные рамки. Страна скорбела, развлекательные мероприятия отменялись. Оскудели сетки теле- и радиовещания, в моду входила классическая музыка – почему-то решили, что это самое подходящее для переживаемого временного отрезка. В гостинице на полную катушку жарили батареи, пот с чекистов струился градом. Предстояли непростые деньки...

Местные товарищи оказывали содействие. Поплавский действительно свалил за границу. Ответственные товарищи пожимали плечами: поездка оформлена правильно, ничего незаконного. О том, что Поплавский под подозрением, никому не сообщили. Да и не был он тогда под подозрением! Заслуженный товарищ, крупный специалист, член партии с семидесятого года! Никаких нареканий, только положительные характеристики. На следующий день по каналам КГБ прошла информация от резидентуры в ФРГ: Поплавский всплыл в одном из полицейских участков Франкфурта, сообщил, что он важная персона в СССР, преследуется советскими спецслужбами и просит политического убежища. Представители БНД¹ прибыли за ним буквально через полчаса. Поплавского охраняют, проводят предварительные беседы. Курирует предателя некто Вильгельм Бауман из БНД. Там же крутится ЦРУ – куда уж без него? Есть сведения, что Поплавского собираются переправить в Западный Берлин – есть там один аналитический центр под эгидой ЦРУ, где знания инженера будут востребованы. Вильгельм Бауман, кстати, оттуда.

– Капец котенку, – мрачно прокомментировал новости Швец. – Теперь этого хмыря обратно не вытащишь. Сдаст последние секреты – те, что еще не сдал...

Ситуация складывалась безрадостной. Поплавского надежно спрятали. А сведения о Западном Берлине могли быть дезинформацией. Для руководства КБ «Трансмаш» и его первого отдела наступали тяжелые времена. КГБ всегда находил виноватых. Уже прикидывался вероятный ущерб. Руководители хватались за головы, готовились сдавать партбилеты и нести уголовную ответственность. Ущерб выходил колоссальный. Поплавский был одним из ведущих специалистов в организации, посвящался во все секреты. Он работал по многим направлениям, прекрасно ориентировался в технике, имел отменную память. Группа трудилась не покладая рук. Карать виновных, проморгавших врага, в планы Кольцова не входило. Карателей в стране хватало исторически, приверженцев же объективного разбора не так уж много. Наступившим выходным не удалось подпортить жизнь. КБ работало – невзирая на глухое недовольство сотрудников.

«Наш ответ прогнившему Западу», – шутил Вишневский.

Что еще делать в дни траура? По всей стране проводились траурные мероприятия, собрания трудовых коллективов, принимались нереальные социалистические обязательства – удвоить, утроить эффективность, почтить ударным трудом светлую память дорогого Леонида Ильича. «Окончательно угробил страну, – шептались люди по углам и кухням. – До чего всех

¹ Федеральная разведывательная служба Германии.

довел?» Понять издерганных граждан было нетрудно. Вроде все мирно, никого не хватают, в Афганистане посадили очередную липовую аллею. Но дефицит душил все сферы жизни, практически любой товар становился объектом мечтаний. Слово «купить» постепенно выходило из обихода, сменяясь словом «достать»...

Комитет, не таясь, работал в трудовом коллективе, внося разброд и шатания в ряды инженеров. О том, что происходит, знали даже ленивые. Щекотливый слушок о сбежавшем Поплавском становился достоянием общественности. Народ недоумевал: не может быть, такой серьезный и положительный товарищ. И что теперь? Каждого, кто с ним работал, отправят туда, где солнце встает? Местные товарищи участвовали в расследовании. Составлялись списки сотрудников, анализировались биографии, участие в важных проектах, компетенция, возможность иметь что-то общее с Поплавским – и не только в рабочее время. Людей опрашивали, напряжение витало в воздухе, в коллективе складывалась совершенно нетерпимая атмосфера...

Супругу Поплавского, проживающую на улице Карла Маркса, неподалеку от УКГБ, Кольцов навестил лично. Женщине было сорок с небольшим – очевидно, ровесница мужа. Она неплохо сохранилась, но сегодня выглядела не ахти. Нездоровый цвет лица выдавал переживания. С запавшими глазами, в мятом домашнем костюме, с невымытыми волосами, собранными в пучок – она делала вид, что увлечена удалением пыли с пианино. Квартира была просторной, со вкусом обставленной.

– Вы знаете, где ваш муж, Раиса Дмитриевна? – вкрадчиво поинтересовался Кольцов.

– В поездке за границей... – Женщина побледнела, но с упорством продолжала тереть тряпкой крышку пианино. – Он поехал на симпозиум, что-то связанное с обменом техническими достижениями.

– Это не так. Мне кажется, вы в курсе – ведь земля слухами полнится. Ваш муж сбежал во Франкфурте от куратора группы, сутки не объявлялся, а потом стало известно, что он просит политическое убежище.

Женщина села на стул, комкая тряпку. Слезы потекли по впалым щекам.

– Мне очень жаль, Раиса Дмитриевна, это правда. Здесь нет искажения, каверз со стороны КГБ или чего-то подобного. Ваш муж длительное время передавал на Запад засекреченную информацию, а когда его обложили, поспешил скрыться. Фактически он вас бросил, потому что назад не вернется. В родной стране его бы ожидала исключительная мера наказания.

– Простите, я не могу... – Женщина ссутулилась, уткнула лицо в ладони, зарыдала.

Михаил сходил на кухню, принес стакан воды. Она стала пить жадными глотками, осушила стакан до дна.

– Извините, я сейчас буду в порядке...

Михаил терпеливо ждал. Над пианино висело семейное фото в рамке. Высокий мужчина с пышной шевелюрой, в которой поблескивала седина, обнимал Раису Дмитриевну, и оба очень мило улыбались. Из-за плеча Алексея Львовича выглядывала симпатичная девчушка лет семнадцати и потешно гримасничала. Снимку было года три. Вряд ли гражданин Поплавский с тех пор сильно изменился.

– Я в порядке, простите. – Женщина подняла голову, глубоко вздохнула. Серые глаза смотрели с печалью, в них сквозила обреченность. – Мне тоже будет предъявлено обвинение как члену семьи предателя Родины?

– Эти времена прошли, Раиса Дмитриевна. Алексей Львович ничего вам не рассказывал о своей работе? О каких-то посторонних делах, связанных с его деятельностью?

– Никогда, – ответила женщина. – То есть вообще никогда. Бывало, приходил уставший, еле ноги волочил, рассказывал о своих коллегах – о всяких забавных случаях из жизни, иногда уезжал в командировки... Но о самой работе ни слова не говорил, ведь он давал подписку о неразглашении, верно? На роль сообщницы я вам не подхожу. Окончила консерваторию, преподаю в музыкальном училище по классу фортепиано... Послушайте, это точно не ошибка? – В

ее глазах блеснул слабый лучик надежды. – Алексей... ну нет, он не мог, я слишком хорошо его знаю. Это такой ответственный, обстоятельный человек, очень порядочный, добрый – он просто физически не мог сделать ничего плохого... Да и не скажу, чтобы у него водились деньги, кроме тех, что зарабатывал в КБ. Квартира осталась после смерти моих родителей, у нас простая дача в сорока километрах от города. «Жигули», правда, новые, но мы долго копили...

– Ошибки нет, Раиса Дмитриевна. Мне жаль, но вы жили с человеком, которого не знали. Такое бывает. Душа – потемки. Простите за нетактичный вопрос... он вам никогда не изменял?

– Один раз... – сжатые губы изобразили усмешку. – В тот год родилась Светлана... в тот год с ним что-то произошло, сломался, может, испугался ответственности... В общем, случилась некрасивая история, в которой фигурировала его однокурсница. Потом он ползал на коленях, умолял простить, дарил цветы, обещал быть лучшим папой в мире... Я простила его. И знаете, с тех пор у Алексея как отрезало – только семья, больше никого. Думаю, такие истории случались почти в каждой семье.

– Светлана – ваша дочь? – уточнил Михаил, покосившись на фотографию.

– Да. Сейчас ей двадцать, учится в Новосибирске. Света знает, что папа уехал за границу, а больше ничего я ей не сообщала... – В глазах Раисы Поплавской снова скапливались слезы.

Подкузьмил своим родным Алексей Львович, конечно, знатно. У супруги на работе будут проблемы, над дочерью нависнет угроза отчисления – даже если она круглая отличница.

– У вас и мужа есть еще родня?

– У меня есть дядя, проживает в Астрахани. – Раиса Дмитриевна пожала плечами. – Родители умерли, больше никого нет. У Алексея тоже... Впрочем, нет, имеется сводная сестра – у них общий отец, но разные матери; уехала из СССР несколько лет назад, зовут Софья.

– Не знал, – оценил новость Кольцов. – И это нормально? У Алексея Львовича не было в этой связи проблем на работе?

– Не припомню... По-моему, там не было политики, дело житейское. Да и сводная сестра, не родная. Отпустили без больших проблем, в ФРГ жила и умерла ее мать. Решила остаться, вышла замуж. Сначала жила в городке Зейме... не помню, на какой земле он находится... Потом вроде переехала с мужем в Западный Берлин...

«Не часто ли возникает это словосочетание – Западный Берлин?» – невольно задумался майор.

– Да-да, точно, помню, прислала оттуда открытку, поздравляла с Новым годом... Не сказать, что это повлекло неприятности, но Алексей жаловался, что его вызывали в первый отдел, где и вручили эту открытку. Он смеялся, сказал, заставили объяснительную писать, как будто подрался с кем-то. Последствий избежали, да он никогда и не был особо близок с сестрой... Вот, пожалуй, и все родственники. У своей матери он был единственным ребенком, женщина погибла восемь лет назад – отравилась угарным газом в деревне...

– Сколько лет Софье?

– Точно не скажу, она моложе Алексея лет на десять. Других открыток не присылала, а ту единственную, где обратным адресом значился Западный Берлин, я, наверное, выбросила. Алексей однажды вспомнил про нее, мы обыскали всю квартиру. Ума не приложу, зачем она ему понадобилась.

«Значит, сестру держал в уме», – подумал Кольцов.

В КБ транспортного машиностроения ждали потрясающие новости. Работа велась без перерыва, обстановка складывалась гнетущая. Работники испытывали прессинг. То, что с Поплавским что-то неладно, народ уже разобрался. Все понимали, что органам нужны его сообщники. Усилилось наблюдение за ведущими специалистами. Коллег начинали сдавать: этот вел себя подозрительно, тот сказал что-то неправильное. Отличная возможность – под шумок поправить карьеру! Нависли тучи над главным инженером проекта Трутневым – он плотно контактировал с Поплавским, часто их видели вместе, корпящими над чертежами,

бывало, совместно рыбачили. Но интуиция на этот счет помалкивала – не такая уж доказательная база, но Михаил привык внутреннему чутью доверять. Велись подковерные игры. Трутнева опрашивали наравне со всеми, человек держался достойно, выражал обеспокоенность, но не больше. Запустили слухок: органы выявили нужного человека, присматриваются к нему, а все остальное – пыль в глаза. У преступника сдали нервы, он откровенно запаниковал. Некто Зельский Борис Геннадьевич, начальник отдела автоматизированных систем, не явился на очередной допрос, а это было странно. В институте в этот день его не видели. На всякий случай привели в готовность группу на «РАФе» с надписью «Горгаз». Кольцов лично позвонил на квартиру Зельскому. Трубку сняла жена, пришла в трепет, услышав три волнительные буквы – «КГБ». Бориса Геннадьевича, к сожалению, нет, он срочно собрался на рыбалку и покинул квартиру несколько минут назад.

«На рыбалку? – озадачился Кольцов. – Вместо того чтобы явиться на беседу?» Увлекательное, очевидно, занятие – рыбалка в ноябре, когда снега по горло, а лед еще не прочный.

Он выдвинулся вместе с группой – та уже сидела в машине, и водитель нетерпеливо газовал. Гараж гражданина Зельского находился на задворках его пятиэтажки. Повезло, что навалило много снега, и фигуранту пришлось очищать подъезд к гаражу. Иначе ловили бы его на просторах необъятной Омской области. «Жигули» выезжали из гаража, когда микроавтобус перекрыл дорогу, уперся в бампер, словно предлагал пободаться. Из машины вывалился невысокий полноватый субъект в очках, одетый в какую-то старенькую фуфайку. Физиономия гражданина выражала крайнюю степень отчаяния. От резкого движения с головы слетела ушанка, заблестела лысина. Бежать было некуда – повсюду сугробы. Мужчина бросился в узкую щель между гаражами – и застрял, не рассчитав ширину прохода. Окажись он не таким упитанным, мог бы пролезть. Он пытался, рывками двигался вперед – и окончательно застрял. Оперативники посмеивались. Люди неспешно выгружались из машины, кто-то закурил на свежем морозце.

Проваливаясь в снегу, Михаил подошел к щели, оценил конфуз, произошедший с подозреваемым. Мужчина стонал, задыхался – похоже, сдавило грудную клетку. Вдохнув, Михаил обошел гаражное хозяйство – с обратной стороны имелся вполне подходящий проход, заглянул в ту же щель. Подозреваемый тяжело дышал, его глаза мутнели, с переносицы сползали очки. Он был не в состоянии что-то говорить, дышал через раз. Смех смехом, но у Зельского были проблемы с сердцем, и обращаться с ним следовало трепетно.

– Мужики, вытаскивайте его! – крикнул Михаил. – Да нежнее! Представьте, что это фарфоровая статуэтка!

– А как, товарищ майор? Гараж отодвинем? – пошутил кто-то.

Несчастливого в итоге извлекли, и не пришлось вызывать подъемный кран. Показали врачу – врач сказал, что жить будет, но психологические перегрузки гражданину противопоказаны – сердце так себе.

– Нормально, – заявил Швец. – Третий сорт еще не брак. Церемониться будем, товарищ майор? В санаторий отправим – пусть подлечат?

К гаражу подбежала растрепанная жена – ей что-то подсказали чувства. Или соседи. Она стала плакать, заламывать руки, пытаясь отбить «ни в чем не повинного» кормильца. В отличие от мужа, она обладала стойкостью. Пришлось объяснить, что, если так продолжится, ей придется поехать вместе со всеми. А на колымских зонах в это время года очень неуютно. До греха не довели – супруга отстала, сердечный приступ отступил.

На допросе Зельский пришел в шок от новости, что его особо и не подозревали. Самообладание у человека отсутствовало в принципе, оставалось удивляться, как ему доверили «дела». Видимо, так было не всегда. Коллеги свидетельствовали: Борис Геннадьевич уравновешенный человек, всегда проявлял здравомыслие. На подчиненных не кричал, не срывался, был мягок и чуток. Надлом произошел лишь в последнее время, когда сгустились тучи над головой.

Зельский был высококлассным специалистом, разрабатывал практически все узлы, в которых применялась автоматика. То есть досконально знал устройство и работу комплекса, участвовал в испытаниях, переделках. Собирали информацию совместно с Поплавским. Один накапливал, другой просеивал, сортировал. Негласно Поплавский был старшим. Зельский находился в подчинении и получал за тяжелые труды меньше – хотя и грех жаловаться: только за последние полгода он облегчил бюджет ЦРУ на пять тысяч рублей, что втрое превосходило его официальную зарплату. Деньги разлагали, заставляли забыть про страх и совесть. Бывали дни, когда Борис Геннадьевич чувствовал себя героическим разведчиком в тылу врага, исполнителем особо важной миссии. Членом партии он не был – сочувствовал, так сказать. Но считался человеком ответственным, принципиальным – невзирая на кажущуюся мягкость.

– Как долго, Борис Геннадьевич, вы помогали Поплавскому продавать секреты Родины? Зельский с надрывом дышал, возможно, преувеличивал критичность своего состояния.

– Я точно не скажу, гражданин следовательно... Наверное, с весны... Это так все глупо, поверьте, у меня и в мыслях никогда не было...

– Вы ответственный за ротатор и прочую печатную технику в учреждении? Это удобно, Борис Геннадьевич. Понимаю, почему на вас положил глаз Алексей Львович...

– Поверьте, мне бы никогда такое в голову не пришло. Я добропорядочный советский человек, спросите у любого... Это проклятые деньги... У меня в то время был непростой период, я посещал ипподром, проиграл на скачках значительную сумму, об этом узнал Поплавский, предложил быстро компенсировать потерянную сумму...

– И вы втянулись. Понятно. С зависимостью от азартных игр пришлось проститься, верно? Вам же не хотелось неприятностей? К тому же появились деньги. Еще кто в вашем учреждении работает на Запад? В смежных учреждениях города? В партнерских организациях – например в Зеленограде?

– Я правда не знаю, поверьте, – взмолился Зельский. – Неужели вы думаете, что Поплавский посвящал меня в эти секреты? Я знал только его, собирал и готовил материалы...

– Допустим. Позднее вы подробно опишете, какие именно материалы вы передавали Поплавскому. По вашему мнению, Алексей Львович был в курсе других членов шпионской сети?

– Думаю, да. – Шпиону немного польстило, что кто-то интересуется его мнением. – Он явственно намекал об этом в наших разговорах. Слово «Зеленоград» также звучало. Но он не называл фамилий. – Думаете, я бы не сказал?

– Сказал бы, – удрученно констатировал Кольцов. – Никому не хочется тонуть в одиночку.

– Мне показалось, что в наших институтах и на заводах много таких людей, – продолжал Зельский. – Он называл предприятия и организации – это те, что кооперируются с нами, выполняют наши заказы, или наоборот – мы выполняем их заказы. Вы же понимаете, это предприятия оборонной промышленности...

«Всех агентов Поплавский знать не может, – отметил про себя Кольцов. – Серьезный риск: провалят одного – за ним потянутся все. Но многих он знает, это точно. И не потому, что западные кураторы простодушно доверяли ему – а потому, что он с ними работал. В отличие от Зельского, Поплавский долго работал шпионом, заработал авторитет, даже в некотором роде влияние. Добраться бы до этого гражданина... Но как?»

– Кому передавались секретные материалы?

– Как кому? – не понял инженер. – Поплавскому...

– Поплавский не являлся конечным потребителем секретной информации. Кому он их передавал? Не юлите, Борис Геннадьевич, вы обязаны знать хоть что-то.

– Но я не знаю... – Предатель снова начал бледнеть. – Может быть, он использовал почтовые отправления...

– На деревню дедушке?

– Нет, конечно. Все материалы получали иностранные дипломатические работники. Да, я знаю, в нашем городе нет ни консульств, ни торговых или культурных представительств. Он уезжал в командировки, возможно, брал эти материалы с собой... Подождите... – Зельский задумался. – Был один иностранец, он несколько раз приезжал в наш город по линии торговых контактов, по-моему, речь шла об электронно-вычислительных машинах. С ним встречался Алексей Львович, еще просил прикрыть его, потому что отлучался в рабочее время... Фигура важная, об этом он намекал. Работает в посольстве в Москве, но имеет возможность покидать пределы столицы и совершать поездки по стране. Он приезжал как минимум дважды и всякий раз встречался с Поплавским. Его зовут... – Зельский взмок, усиленно вспоминая, лоб покрылся сетью морщин. – Нет, не помню.

– А вы вспомните, – настаивал Кольцов. – Или пропало желание облегчить свою участь?

– Как же его... Аллен Робертсон... Нет, не так... Робинзон... или что-то в этом духе, точно не помню... Я плохо запоминаю иностранные имена и названия.

Алан Робинсон! Этот пострел и здесь поспел! Так вот откуда уши растут... Михаил не менялся в лице, но мыслительный процесс разгонялся. Американский дипломат явно по уши в теме, а значит, знал много имен и вообще представлял кладезу интересной информации. Об этом надо срочно сообщить в Москву. Пусть думают, как его взять, не навредив репутации Советского Союза. Опыт наработан, есть средства, позволяющие развязать язык, а впоследствии отключить память. А то чувствуют себя как дома, творят что хотят, сколько можно с ними миндальничать?

– Хорошо, я вас понял, Борис Геннадьевич. С вашего позволения, на сегодня закончим.

– Что со мной будет, гражданин следователь? – Зельский волновался, всматриваясь в лицо майора в поисках в нем чего-то обнадеживающего.

– Зависит от того, насколько искренне вы готовы сотрудничать, – уклончиво отозвался Михаил.

– Но я искренне готов... У меня семья, сын служит в армии, достойно отдает свой долг Родине... У жены нездоровые легкие, она не может работать... У меня у самого больное сердце, требуются дорогие лекарства...

– Вылечим, Борис Геннадьевич, не волнуйтесь. В пенитенциарной системе работают хорошие врачи.

И не таких вылечивали – подследственных, подсудимых, приговоренных. Штопали, латали, проводили операции, в итоге ставили на ноги – и отправляли в подвалы, где приводили приговоры в исполнение. Гуманизм называется – отличительная черта социалистического правосудия.

Глава третья

– Срочно выезжай в Москву, – выслушав доклад, приказал Рылеев. – Есть дело. Команду оставь в Омске, пусть ребята роят дальше, здесь они не нужны. В понедельник должен быть у меня.

В понедельник проходили похороны Леонида Ильича Брежнева. Центр Москвы оцепили, патрулировали улицы сотрудники милиции, военнослужащие гарнизона. Застыли в почетном карауле бойцы кремлевской роты, пожилые члены Политбюро. Комиссию по организации похорон возглавил Юрий Владимирович Андропов. Москва (как и прочие города и поселки Советского Союза) пребывала в траурном убранстве. Развлекательные мероприятия отменили. По радио и телевидению передавали грустную музыку. В Колонном зале Дома Союзов проходило прощание с телом Брежнева. Прямая телетрансляция велась на всю страну. В Дом союзов тянулись трудящиеся столицы, представители других городов, зарубежные делегации. Москва застыла, погрузилась в скорбь. Траурная музыка, звучащая из всех динамиков, усиливала гнетущую атмосферу. Тело на орудийном лафете перевезли на Красную площадь. Произносились речи – выступали руководители партии и правительства. Члены похоронной комиссии лично перенесли гроб с телом к Кремлевской стене, где была вырыта свежая могила. Под пронзительное исполнение гимна генсека опустили в землю – за этим пристально наблюдала страна. Откуда взялась небылица, будто гроб уронили? Этого не было, действовали четко и отлаженно, процедуру неоднократно отрепетировали. Видимо, за шум падения приняли внезапно грянувший орудийный залп. Артиллерия работала во всех столицах союзных республик, в городах-героях и других крупных населенных пунктах. На пять минут остановились все предприятия Советского Союза. Три минуты гудели заводы, поезда и пароходы. На засыпанную землей могилу водрузили портрет покойного, венки, многочисленные подушечки с орденами и медалями. Бесконечной вереницей тянулись мимо могилы представители иностранных делегаций – в том числе из капиталистических стран, – кто-то кланялся могиле, кто-то отдавал воинское приветствие. На Красной площади начинался парад войск московского гарнизона...

Странно, что самолет в этот день в связи с трауром не застыл в воздухе. Пробыться на Лубянку оказалось непросто, повсюду барьеры, милицейские кордоны. Полковник Рылеев сидел у себя в кабинете, смотрел трансляцию по телевизору. Церемония прощания с генсеком подходила к концу. Полковник крикнул, выключил телевизор, опустился обратно в кресло и каким-то мутным взором уставился на вошедшего. Заставил себя очнуться, мотнул головой.

– С приездом, майор. М-да, достукались... Выпьешь?

Кольцов кивнул, сегодня можно. Даже нужно. Все необходимое для жизни находилось у полковника под рукой. На столе возникла початая бутылка армянского коньяка, две хрустальные стопки. Выпили, не чокаясь. Коньяк был отменный, да и повод серьезный. Проворчав про пулю, которая не должна пролететь между первой и второй, Рылеев вновь наполнил рюмки. Пару минут молчали, глядя в пространство. Даже высшим офицерам КГБ было интересно, что же будет дальше.

– Все нормально, мы «пскопские» – прорвемся, – со вздохом заключил полковник, убирая рюмки и бутылку. – Светлая память, как говорится... Новый генсек – Юрий Владимирович. Это было понятно сразу, как только умер Леонид Ильич. В курсе уже?

– Да, Валерий Леонидович. Известно, кто возглавит комитет?

– Он же и возглавит. Временно. Будет совмещать две должности. Месяц, два или три. Дальше – туман. Примут решение – Чебриков, Федорчук или какой-нибудь выскочка образуется. Назревают перемены, майор, чувствует мое больное сердце... Ладно, как уже сказано ранее – прорвемся.

– Робинсона надо прибрать, товарищ полковник. Он многое знает. Хочу предложить план мероприятий – как провернуть темное дельце и не попасть в историю.

– Зря старался, – с досадой отмахнулся Рылеев. – Алан Робинсон вчера вечером вылетел рейсом Москва – Нью-Йорк.

– Не может быть, – опешил Михаил. – Выходит, мы и этого упустили?

– Ну, извини, – развел руками полковник. – Подписку о невыезде он не давал. Птица вольная, летит куда хочет. Понял, что запахло жареным, и решил на всякий случай выйти из игры. Боссы Робинсона понимают, что мы можем до него добраться, наплевав на его дипломатическую неприкосновенность. Нас уже столько раз безосновательно обвиняли в нарушении международных норм, что самое время эти нормы нарушить – чтобы не так обидно было. А ставки высоки. Так что нет дурных сидеть и ждать, пока мы придем за ним. Не расстраивайся, Кольцов, – полковник улыбнулся как-то плотоядно. – Фигня все это в сравнении с мировой революцией... – Было такое ощущение, что до визита майора полковник уже приложился к бутылке. – Держу пари, что рано или поздно мы узреем нашего американского друга в Западном Берлине...

– Мы потеряли двух человек, знающих всю шпионскую сеть в Союзе, – напомнил Кольцов. – Все, что касается Омска и Зеленограда, проекта огнеметной системы и других, где используются электронные схемы. По крайней мере, Робинсон знал все, а Поплавский – многое. Если это фигня, то как скажете. Минутку, Валерий Леонидович. – Кольцов нахмурился. – Почему в последнее время мы постоянно спотыкаемся об это словосочетание – «Западный Берлин»?

– Думаю, неспроста, – заметил Рылеев. – Я тебя выдернул из Омска не за тем, чтобы пить коньяк... хотя и повод, конечно, значительный, – полковник покосился на затемненный экран телевизора. – Интерес Запада к нашим огнеметным системам понятен – мы впереди планеты всей. А их научная мысль работает плохо, проще украсть. Шпионскую сеть мы проредили, и это уже хорошо. Но шпионы везде, чуть ли не в каждом учреждении, тянут наши секреты – и это, сам понимаешь, не охота на ведьм, а печальный факт. Они во всех закрытых «ящиках» – в КБ, на предприятиях, там, где занимаются электроникой. Эту сеть надо выявлять. Гонка вооружений не прекращается, и благодаря этим людям мы ее проигрываем. Ты верно заметил, нам нужен Поплавский. Если повезет – возьмем Алана Робинсона, о котором, как подсказывает мой многолетний опыт, мы скоро вновь услышим. Есть достоверная информация: в Западном Берлине на улице Фельдештрассе, 42, действует некое «инженерное бюро Крафта» – об этом извещает вывеска на здании, что, понятно, маскировка. Под вывеской скрывается закрытый центр БНД и ЦРУ, куда стекается секретная информация – в том числе о завербованных лицах в СССР. Алан Робинсон там неоднократно отмечался – по информации нашей резидентуры в ФРГ.

– Западный Берлин – не ФРГ, – осмелился перебить начальника Кольцов.

– Да, это анклав, окруженный территорией ГДР, – согласился Рылеев. – Он не интегрирован в ФРГ, формально там свои законы и порядки, свои органы управления, но фактически это одно и то же. В Западный Берлин проложены дороги из ФРГ – по ним под охраной западных немцев поступают грузы в анклав. Действует железная дорога. В Западном Берлине два международных аэропорта, куда без проблем может попасть любой человек из западного мира. А с восточной стороны – хрен. Берлинская стена работает в обе стороны. Это огромная территория, на которой проживают два миллиона жителей или около того. Фактически та же ФРГ – только прямо у нас под носом. Что не очень здорово. Да еще это «инженерное бюро», будь оно неладно... БНД работает в связке с ЦРУ, так же как восточногерманская Штази – с нами. Пока счет ничейный... Бюро на Фельдештрассе – серьезная организация. Им руководит некто Вильгельм Бауман, курировавший на пару с Робинсоном Денисова и Балашова – шпионов из Зеленограда. В бюро принимаются решения, трудятся аналитики, консультанты, специ-

ально обученные люди разрабатывают операции, направленные против нас и стран восточного блока. Доступа к этой организации у нас нет. Резидентура в Западном Берлине слаба, а дипломатические отношения с анклавом мы не установили. Этому препятствовали наши американские друзья. Помимо Робинсона, мы скоро сможем лицезреть в Западном Берлине и нашего дражайшего Поплавского. Сто к одному, что Алексея Львовича туда привезут. Если уже не привезли...

Кажется, Кольцов догадывался, к чему клонил полковник. И это начинало нешуточно беспокоить.

– Кстати, сводная сестра Поплавского действительно проживает в Западном Берлине, – издали подъезжал к главной теме полковник. – Улица Тильштрассе, 17, это западная окрестность анклава, участки с малоэтажной застройкой. Софья Львовна, в девичестве Поплавская, нынче – Брюстер. Что-то нам подсказывает, что Поплавский ее навестит, верно? Родная как-никак душа, пусть и сводная. И навестит не раз, будут общаться регулярно. Софья попала в Германию по программе переселения советских немцев – не сказать, что она чистокровная немка, но покойная мама вроде ею была. Сестра Поплавского – фигура аполитичная, куда привезли – там и живет. Поначалу обитала в городе Зейме – это на Балтике, потом вышла замуж, переехала с мужем в Западный Берлин. Муж скоропостижно скончался, детей нет, вроде живет одна... А теперь внимание... – Полковник подался вперед, глаза заблестели. – К черту сестру, нам на ней не жениться. Как сказано, доступа в аналитический центр на Фельдештрассе у нас нет. Но все может измениться. По нашим каналам прошел сигнал: один из сотрудников этого центра ищет возможность выйти на КГБ. Фигура осведомленная, офицер западногерманской разведки, занимает в «бюро Крафта» не последнюю должность. Известна фамилия, но ее знают немногие: некто Людвиг Эберхарт. Мотивация господина нам пока неизвестна. Человек в годах. Известен его адрес в Западном Берлине – Кюрхаллее, 36. Видимо, многоквартирный дом. Сейчас это модно – проживать в своем доме. Ближе к земле, так сказать. Эберхарт хочет сотрудничать – но только с нашим комитетом. Он как огня боится Штази и недвусмысленно дал понять, что при появлении на горизонте данной организации будет обрывать концы.

– У Штази неоднозначная репутация, – согласился Михаил.

– Тем не менее они наши друзья, – отрезал полковник. – А друзей не выбирают. – Рылеев замешкался, невольно задумался. – Или выбирают? Ладно, не важно. Теоретически мы сможем работать через голову Штази, опираясь на нашу резидентуру при посольстве в Восточном Берлине, которая, кстати, весьма сильна. Но такая схема работы будет выглядеть странно. Немецкие товарищи обидятся. Ладно, разберемся. Ты ничего не хочешь сказать?

– Я бы лучше выпил, товарищ полковник. Это шутка. Вы тоже не закончили.

– Да. – Рылеев кивнул. – Предыдущая информация пришла, повторяю, по нашим каналам. Об Эберхарте знают несколько человек – все наши, включая пару сотрудников из резидентуры при посольстве. В Штази об этом не знают. Во всяком случае, не должны. А теперь информация от наших восточногерманских товарищей – ее любезно предоставило руководство Штази. В берлинском универмаге «Радуга», что на территории ГДР, сотрудники Штази задержали подозрительного типа. Тот вел себя странно, чем-то терзался. Товарища прибрали. Это некто Отто Вайсман – мелкая сошка из БНД, что-то вроде «топтуна» или мелкого оперативника. Часом ранее прошел через посты в восточную зону. Как прошел, не важно – шпионы снуют туда-обратно. В базе госбезопасности его физиономия засветилась, поэтому идентификация много времени не заняла. Вайсман и не возражал, сам сказал, кто он такой. Вел себя нервно, но в целом вменяемо. По его версии, он бежал из Западного Берлина, возвращаться туда не намерен, хочет перейти на нашу сторону. Сам он в плане информации интереса не представляет, но говорит, что в кругах БНД есть фигура, готовая сотрудничать с КГБ, причем только с КГБ. И фигура важная, много знает. Собственно, этот человек его и отпра-

вил. Дальше, полагаю, было так, – полковник усмехнулся, – наши немецкие коллеги Вайсману не поверили, провели допрос с пристрастием, но имя человека, отправившего Вайсмана, не узнали. Немец оказался крепким орешком, настаивал, что будет общаться только с представителем КГБ. В Штази решили от греха подальше не связываться. Прибьют человека на допросе, а потом выяснится, что он не врал. В общем, сообщили, что держат его для нас, из камеры не выпускают – приезжайте, допрашивайте.

– Во-первых, это может быть липа, – сказал Кольцов, – как и информация об Эберхарте, так и то, что намерен выложить Вайсман. Западные немцы по наущению янки затеяли сложную комбинацию, цели которой мы пока не знаем. Скажем, отвлечь наше внимание от чего-то важного.

– Да, это рабочая версия, – согласился Рылеев. – Но есть и другая. Во-первых, Эберхарт реально существует и хочет с нами сотрудничать. Во-вторых, бегство Вайсмана за флажки – отнюдь не разработка наших заклятых противников. И речь в первом и втором случаях идет об одном лице – Людвиге Эберхарте. Тот вполне мог отправить по нашим каналам сигнал о готовности сотрудничать, а потом продублировать его через Вайсмана. Допустим, для демонстрации настойчивости. Или не был уверен, что в первом случае мы правильно поймем. Пока не проверишь, ничего не узнаешь, верно, Кольцов?

– Тогда «во-вторых», – с обреченной миной продолжал Михаил. – Что мешает нашим посольским в Берлине допросить Вайсмана? Посвященные есть – сами сказали. Специалисты там работают высококлассные.

– Ты как будто хочешь увильнуть от работы, – подметил полковник. – Странно, обычно люди радуются зарубежным командировкам. Наша цель, вернее, одна из наших целей – Поплавский. Ты прочно засел в этой теме, тебе и дожимать – это первое. Второе – наших резидентов в Берлине противник знает – тебя же не знает никто. Третье – ты надежен, на тебя можно положиться. Только не возгордись.

– Спасибо, товарищ полковник. Задача максимум – доставить Поплавского обратно в Союз? Прошу прощения, бандеролью?

– Не ерничай. Время покажет. В крайнем случае Поплавского придется нейтрализовать. Не волнуйся, проблема не твоя. Поплавский – лишь вторая цель. Главная задача – выйти на «бюро Крафта», обрести в нем своего человека. Это может быть Эберхарт... если не выяснится, что он персона подставная. Через него мы получим информацию о завербованных агентах в СССР. А то их развелось как собак нерезаных. Можем выявить их львиную долю одним ударом, понимаешь? И пока это наша главная задача. Капризничает, не хочет работать через Штази – пусть так, пойдем ему навстречу. Пока не будем усложнять, цель твоей командировки: допросить Вайсмана – и чтобы рядом не было ни одного сотрудника Штази. Пусть обижаются. Пообщайся с резидентурой – среди нее есть приятные, милые люди. По итогам беседы с Вайсманом примем решение. Загадывать трудно. Если понадобится, наши посольские сварганят тебе документы «гражданина Германии» – кажется, так величают себя немцы в анклав.

– Это еще зачем? – напрягся Михаил.

– Да шучу я, – улыбнулся полковник. – У тебя такое лицо, словно собрался «бежать до канадской границы». Но в каждой шутке, знаешь ли, майор... Ладно, забудь. Задачу уяснил? Готовься к поездке, оформляй визу.

– Избавиться от меня хотите, товарищ полковник?

– Ты прямо рассекретил меня, – всплеснул руками Рылеев. – Сплю и вижу, как от тебя избавиться. Еще что?

– Мои люди, которые сейчас в Омске...

– Забудь про своих людей. Они уже взрослые. Лично проконтролирую, чтобы не шалили. Не стоит создавать толпу там, где должно быть тихо.

– То есть я еду один?

– Тебя это смущает? Что с немецким языком?

– Как у всех – ничего. – Михаил смутился.

– Так ли? – Полковник прищурился, в глазах ирония.

– Ну, хорошо, со словарем, – допустил Кольцов. Вздыхнул, опуская глаза. – Ладно, без словаря. Спасибо моим родителям, обучавшимся на факультете иностранных языков. За свое его не сойду, но объясниться смогу. Акцент, правда... вологодский.

– Окающий, что ли? – не понял полковник и оскалился. – В общем, не морочь мне голову. Всех вас насквозь вижу. Ну, все, майор, шутки в сторону. Поезжай. Связываться со мной будешь из посольства, там у ребят защищенная линия.

Другая страна – пусть и «продолжение» Советского Союза, другой воздух, другие люди. Знакомые портреты на зданиях – Маркс, Энгельс, Ленин, огромные буквы белым по красному – с тем же смыслом, но по-немецки. Портреты Хонеккера, Леонида Ильича – последние в траурной рамке, первые – еще нет. Скорбели и здесь, как иначе? – Скончался лидер международного коммунистического движения. Похороны прошли, траур формально снят, но большого веселья на улицах не отмечалось. Возможно, его никогда тут не было. Веселились, как и везде, – по особым указаниям руководителей стран. Да и погода не способствовала веселью – снега не было, но дули переменчивые ветры, ползли тучи, столбик термометра показывал десять градусов тепла. Просто праздник в сравнении с заледенелым Омском.

На территории аэропорта Шёнефельд развевались флаги СССР и ГДР – красно-желто-черные полотнища с гербом ГДР посередине. Золотистый циркуль, наложенный на золотистый молот, означали единение рабочего класса с трудовой интеллигенцией. А обрамление из колосеев – примкнувших к ним аграриев. Завершились таможенные процедуры, офицер на контроле учтиво отдал честь, Михаил вышел из здания. Люди пробегали мимо в основном с опущенными головами. Толстяк, пыхтя, тащил тяжелые чемоданы. Одевались люди примерно так же, как в Союзе, – принципиальной разницы не было. Наглядной агитации – с избытком. Любил же Леонид Ильич целоваться с Хонеккером, что за страсть такая противоестественная...

Он стоял у здания аэровокзала, не мог избавиться от внутреннего напряжения. Словно наблюдали за ним. Высаживались люди из туристического автобуса, направлялись в зону регистрации. Судя по лицам, вьетнамцы. Какие-то не улыбочивые, усталые, пришибленные. Поездка явно не заладилась. Кто же знал, что Леонид Ильич решит скончаться, испортив жизнь такому количеству людей. С развлечениями в дни траура было несколько напряжно. «А есть тут вообще развлечения?» – возникла недоуменная мысль.

Майор усмехнулся – к бордюру подкатила «Волга»! Правда, не черная, а какая-то серо-бурая. Видимо, местный колорит. Отворилась дверь, вышла эффектная блондинка лет тридцати с небольшим, одетая в темный брючный костюм. Подошла, постукивая каблукками. У нее были большие светлые глаза, волосы собраны и заколоты на затылке. «Симпатичная», – машинально отметил Кольцов. Но в глазах присутствовал холодок, и лицо было того типа, на котором не хотелось бы задерживать взгляд.

– Комрад Кольцов? – спросила по-немецки дама. Очевидно, для приличия – знала, кого встречала.

Мужчина с женщиной обменялись рукопожатием. Кожа изящной женской руки источала прохладу. Она напомнила Барбару из «Семнадцати мгновений весны» – той великолепно шел эсэсовский мундир. Этой красотке бы тоже пошел.

– Марта Киршнер, – представилась особа. – Мне поручено вас встретить и сопроводить в гостиницу. В дальнейшем будем работать вместе.

«Это вряд ли», – подумал Михаил, любезно улыбнувшись. Впрочем, кто поручится? Будущее – категория туманная.

– Вы знаете немецкий язык?

– Немного, фрау Марта. Спасибо, что встретили. – Немецкий в его исполнении был так себе. Язык он знал, но акцент выдавал в нем русского.

– Отлично. – Марта улыбнулась. – Пойдемте, давайте свой чемодан.

– Я справлюсь, фрау Марта, это маленький чемодан...

На этот раз он контролировал процесс сбора в дорогу. Настя, впечатленная тем, что он едет не в Биробиджан, а за границу, особо не трудилась, собирая его в дорогу, но все же бросила в чемодан несколько чистых рубашек. «Я на пару дней, – уверял Кольцов. – Гляну, как там люди живут, – и обратно».

С водительского сиденья вылез лысоватый мужчина в невзрачной куртке, открыл багажник. Помог загрузить чемодан, протянул руку, назвавшись Уве Хогартом. Справляться о месте работы, видимо, не стоило. Министерство государственной безопасности ГДР – Штази. Встречающие не отличались говорливостью. Марта предложила гостю сесть сзади, сама уселась рядом с водителем. Михаил ловил в зеркале изучающий взгляд. На выезде с территории аэропорта образовался затор. Уве включил сирену – она издала несколько пронзительных трелей. Водители ползущих машин судорожно выкручивали баранки, освобождая проезд. Ссориться со Штази было не принято. Происходящее воспринималось обыденно – «Волга» проползла по коридору, свернула на шоссе и понеслась по хорошо укатанной дороге. Восточный Берлин был застроен в основном современными зданиями. В апреле – мае 45-го здесь шли наиболее ожесточенные бои, восстанавливать после них было нечего. Тянулись кварталы высоток – издали они смотрелись впечатляюще, вблизи представляли серыми и облезлыми. Город был просторным – большие площади, широкие тротуары, фонари через каждые пятьдесят метров. Отдельные строения возводились по индивидуальным проектам, имели оригинальные фасады. Но все остальное – типовое, как в СССР. Машин на улицах было немного, заторы не наблюдались даже у светофоров. Западных моделей практически не видно. Чешские «Шкоды» и «Татры», советские «Жигули», восточногерманские «Трабанты» – простые, в чем-то даже забавные. Ехали долго, менялись кварталы, высотные дома заслоняли обзор. Михаил проводил глазами симпатичный сквер напротив универмага, полицейских в темной форме и фуражках. Потеплело на душе – на лавочке сидели и курили парни в темно-зеленом парадном обмундировании с буквами «СА» на погонах – военнослужащие Группы советских войск в Германии. Краткосрочные увольнения были нормой. Парни увлеченно болтали, перемигивались с местными девчонками. Одевался народ без лоска – пижонство, как и в СССР, здесь не приветствовали. Простучала по эстакаде городская электричка – вагоны тряслись, дребезжали. С общественным транспортом проблем в Берлине не было – той же электричкой можно было добраться в любой конец города (за исключением Западного Берлина), не говоря уж про метро.

Мелькали алые транспаранты, лица основателей самой передовой идеологии. Еще один универмаг с «чешуйчатым» фасадом. «Что вам привезти из Германии?» – пытал перед отъездом Кольцов жену. Настя равнодушно пожимала плечами: да хоть чего, хоть черта в ступе. «Валюше привези подарок. Говорят, там куклы забавные. Она, конечно, выросла, но с куклами пока играет». Интересно, будет время ходить по универмагам? И как в этой части света обстоят дела с дефицитом?

Рабочие в синих комбинезонах снимали с фасада портрет Леонида Ильича в траурной рамке. Траур закончился, начиналась неизвестность. Для ГДР пока ничего не изменилось – народ и партия под чутким руководством Первого секретаря ЦК СЕПГ Эриха Хонеккера продолжали строить социализм. Первому лицу в стране было всего лишь семьдесят. Для современной плеяды политиков – просто мальчишка.

Городу не было конца. Ближе к центру возникали здания классического типа. Они чередовались с современными постройками – сущая эклектика. Тянулись в небо шпили старых католических соборов, несуразные башни, отгроханные в последние десятилетия. Дома-«книжки», напоминающие знаменитые высотки на улице Горького в Москве. Михаил

снова перехватил в зеркале задумчивый взгляд Марты. Молодая женщина не смутилась, но отвела глаза. Мелькнула станция метро – из дверей выходили пассажиры, прибывшие к месту назначения. Уве пропустил дребезжащий трамвай, свернул на узкую улочку. В разрывах зданий проплыла знаменитая берлинская телевышка – шар со шпилем, зависший в поднебесье.

– Почти прибыли, товарищ. – Уве обернулся, изобразил дружелюбную улыбку. Он остановился у крыльца «свечки» – видимо, ведомственной гостиницы.

– Пойдемте, провожу вас до номера, – сказала Марта, выходя из машины. Она не менялась в лице, зорко посмотрела по сторонам – работали профессиональные навыки.

Уве остался в машине, кивнул на прощание. На крыльце произошла заминка, из здания выходили двое – в темной форме военного образца, но без знаков различия. Мельком глянули на прибывшего иностранца, с интересом уставились на Марту. Работница Штази не снимала маску холодной учтивости. В холле было безлюдно и как-то неуютно из-за голых стен. Заниматься украшательством немцы не любили. Процесс регистрации нового жильца не затянулся. Женщина-администратор ознакомилась с документами, внесла в реестр нового постояльца и выдала ключи от номера. Она работала как робот и все же позволила себе быстрый заинтересованный взгляд на Михаила.

Узкая клеть лифта подняла пассажиров на десятый этаж. Все было непривычно, дискомфортно – особенно находиться рядом с молодой женщиной, источающей холодок. Марта не шевелилась, смотрела в стену, а когда лифт дернулся и раскрылась дверь, первой вышла наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.